

Novosti Dnya. 1905, March 21, p. 3.

Новости Дня. 1905, 21 марта, с. 3.

In Concerts.

The 2nd Symphony Assembly of the "Circle of Russian Music Lovers," held on Friday, March 18th, under the direction of Mr. Rachmaninoff, offered a short but extremely enticing program. Performances included Borodin's 2nd Symphony (in B minor), Balakirev's Overture on Russian Themes, Glazunov's 1st Scene—"Winter"—from his ballet "The Seasons" (for the first time), and Mussorgsky's "Night on Bald Mountain."

Hardly any other work of Russian music can be more rightfully classified as a "heroic epic" than this Borodin symphony. There is an untouched corner here of the mighty strength of the Tyrians and the powerful, fresh spirit of the people. Here are not themes of personal inspiration, but certain roots of Russian music, as if unearthed during the excavation of ancient burial mounds. Here one can imagine mighty, stocky heroes, bearing ninety-pound-long clubs, laying "streets" in the enemy hordes, knowing no restraint in their "daring" will, nor wild revelry at a "merry feast." Here is the breadth and expanse of the "fields of pure, wide expanse," here is the darkness of the "dense forests," the poetry of the people of nature, the poetry of daring and free joy.

There is no place here for psychological subtleties and moods. Therefore, the external form is sharp and compressed, dazzling with bright sunny colours, strong contrasts, and antique luxury in a rough frame. From a modern point of view, much in this symphony, organically poured from the pen of our "accordionist," seems unfinished, accidental, lacking development. But if this finishing and elaboration were introduced here, the entire style would be disrupted, all the brightness and strength of the present would be lost.

The symphony was performed with great energy and colour, but without sufficient consistency in style. Rachmaninoff injected a certain nervousness into the performance, reflected in the excessive instability and changeability of the notes, in the rhythmic tension (for example, in the syncopated rhythm of the second movement), and in the exaggeration of shades. Along with this, there were indifferent passages, where the conductor seemed to withdraw into himself, allowing the orchestra to follow the indifferent waves of his baton. In general, the performance of the symphony did not provide a complete artistic whole and was distinguished by an exaggerated variegation of colours and moods.

Balakirev's overture, despite its abundance of elegant inventions and witty combinations, remains one of the weakest works of the father of the new Russian school. A work written on borrowed themes cannot, in itself, claim integrity and spirituality of content. In this case, the form itself contains much that is accidental and rhapsodic, and yet one is captivated by the subtle taste in the arrangement of Russian melodies, which neither Rubinstein nor even Tchaikovsky later distinguished themselves with, and which was directly inherited from Glinka. As the first orchestral work of the venerable composer, this overture deserves a fair historical assessment.

"Winter" from Glazunov's suite is a series of small allegorical illustrations to winter "accessories". "Introduction" imitates the onomatopoeia of a snowstorm, then comes "ice" with thin needles of violin "sul ponticelli" and flageolets, "ice" - with empty cold fifths, "hail" with a drum and blows on the strings with the shaft of the bow, "snow" - with a cold melody and "conclusion", akin to the introduction. All of these are purely virtuoso orchestral pieces with a luxurious sound finish, written in the elegant "salon style", very nicely imitating the onomatopoeic natural phenomena of the same name, but within the limits of masquerade-bombonière requirements.

In terms of instrumental creativity, they are as rich as they are poor in terms of purely musical creativity. In the latter respect, they are insignificant even for a ballet, with the possible exception of the "introduction," which amazes with the unusual beauty of its sonority. These pieces were performed with the utmost virtuosity. The most powerful impression on the audience, however, was made by Mussorgsky's marvellous "Night on Bald Mountain," full of true inspiration and fairytale fantasies. Its conclusion, rendered particularly poetic by Rachmaninoff, was depicted in astonishingly poignant colours as dawn broke after the wild nocturnal orgies of the dispersed "evil forces."

E. Rosenov.

[Translation: Google]

Въ Концертахъ.

2-е симфоническое собраніе «кружка любителей русской музыки», состоявшееся въ пятницу, 18-го марта, подъ управле-ніемъ г. Рахманинова, дало небольшую, но чрезвычайно заманчивую программу. Испол-нялись 2-я симфонія (h-moll) Бородина, увертюра на русскія темы Балакирева, 1-я картина — «Зима» — изъ балета «Времена года» Глазунова (въ 1-й разъ) и «Ночь на Лысой горѣ» Мусоргскаго.

Едва-ли какое-либо другое сочинение русской музыки можетъ быть съ большимъ правомъ отнесено къ «героическому эпо-су», какъ эта симфонія Бородина. Богатырской силы и могучато, свѣжаго народ-наго духу здѣсь непочатый уголь. Здѣсь не темы личнаго вдохновенія, а какіе-то корни русской музыки, точно отрытые при раскопкахъ древнихъ кургановъ. Здѣсь чудятся могучіе коренастые богатыри, носившіе палицы «во девяносто пудъ», про-лагавшіе «улицы» во вражескихъ полчи-шахъ, не знавшіе удержу ни волѣ своей «разудалой», ни буйному разгулу на «ве-селонь пиру». Здѣсь-ширь и просторъ «поля чистаго широкаго раздольица», здѣсь темъ «лѣсовъ дремучихъ», поэзія людей природы, поэзія удали и свобода-го веселья. Здѣсь нѣтъ мѣста психологи-ческимъ тонкостямъ и настроеніямъ. По-этому и внѣшняя форма рѣзка и сжата, пестритъ яркими солнечными красками, сильными контрастами и старинной ро-скошью въ грубой оправѣ. Съ современной точки зрѣнія въ этой органически-вылив-шейся изъ подъ пера нашего «баяна» сим-фоніи многое кажется неотдѣланнымъ, слу-чайнымъ, не достигнувшимъ развитія. Но еслибы ввести сюда эту от-дѣлку и разработку, нарушился-бы весь стиль, пропала-бы вся яркость и сила. Исполнена была симфонія весьма энер-гично и красочно, НО безъ достаточной выдержанности въ стилѣ. Г. Рахманиновъ впесъ въ исполненіе какую-то нервность, отразившуюся на чрезмѣрной неустойчи-вости и измѣнчивости чемповъ, на ритми-ческой натянутости (напр. въ синкопиро-ванномъ ритмѣ 2-й части) и на преувеличеніяхъ оттѣнковъ. Наряду съ этимъ были мѣста безразличныя, гдѣ дирижеръ какъ-бы уходилъ въ себя, предоставляя орке-стру слѣдовать за равнодушными взмахами палочки. Въ общемъ исполненіе симфо-ніи не дало вполив законченнаго художе-ственного цѣлаго и отличалось преувели-ченной пестротой красокъ и настроеній. Увертюра Балакирева, при всемъ изоби-лїи изящныхъ изобрѣтеній и остроумныхъ комбинацій, остается одницъ швъ слабыхъ произведеній отца новой русской школы. Само по себѣ уже произведение, написан-ное на заимствованныя темы, не можетъ претендовать на цѣльность и одухотворен-ность содержания. Въ данномъ-же случаѣ и сама форма заключаетъ въ себѣ много случайнаго, рапсодичнаго, при воемъ томъ очаровываетъ тонкій вкусъ при обработкѣ русскихъ мелодій, какимъ не отличались вполсѣдствіи ни Рубинштейнъ, ни даже Чайковскій, и который прямо уже уна-слѣдованъ отъ Глинки. Какъ первое оркестровое произведение маститаго автора, увертюра эта заслуживаетъ справедливой исторической оценки.

«Зима» изъ сюиты Глазунова предста-вляетъ изъ себя рядъ мелкихъ аллегорическихъ иллюстрацій къ зимнимъ «аксес-суарамъ». «Вступленіе» звукоподражаетъ метели, затѣмъ идетъ «ипей» съ тонкими иголками скрипичныхъ «sul ponticelli» и флажолетовъ, «ледь» — съ пустыми хо-лодными квинтами, «градъ съ бара-банчикомъ и ударами по струнамъ древ-комъ смычка, «снѣгъ» - съ холодной ме-лодійкой и «захлоченіе», родственное вступленію. Все это - чисто-виртуозныя оркестровыя пьески роскошной зву-ковой отдѣлки, написанныя въ изящ-помъ «салонномъ стилѣ», весьма мило звукоподражающіе одноименнымъ при-роднымъ авленіямъ, но въ предѣлахъ маскарадно-бомбоньерочныхъ требованій.

Со стороны инструментальнаго творчества овѣ настолько же богаты, насколько бѣдны со стороны творчества чисто-музы-кальнаго. Въ послѣднемъ отношеніи онѣ незначительны даже для балета, за исключеніемъ развѣ «вступленія», пора-жающаго необычной красотою звучности.

Исполнены были эти вещицы Въ высшей степени виртуозно. Наиболѣе сильное впечатлѣніе на публику про-изнесла, однако, чудесная картина «Ночь на Лысой горѣ» Мусоргскаго, полная истиннаго вдохновенія и сказочной фан-тастики. Особенно поэтично вышло въ исполненіи Рахманинова ея заключеніе, въ удивительно вѣжныхъ краскахъ рисуя-щее разсвѣтъ послѣ дикихъ ночныхъ оргій расходившихся «нечистыхъ силъ».

Э. Розеновъ.